17 СЕН 1969
Коммунист
г. Ереван

Дирижирует Дурян

ЗАДОЛГО до премьеры «Ануш» поползли слухи о репетициях Огана Дуряна. Артисты театра так восторгались ими, что невольно захотелось стать очевидцем. Пришел — в зале полным-полно народу. Как на спектакле. Только молчит зритель. Не переговаривается. Тишина настороженная. Знают, ровно в десять часов Дурян встанет за пульт. Сверяю время — секунда в секунду появился маэстро. Перекинул через барьер полотенце, поднял руки, и вмиг преобразился. Теперь он и бог, и судья! Словно на крыльях музыки, вот-вот взлетит...

Резко опустились руки.

— Не получается. Повторим сначала.

И повторяет по нескольку раз с присущей ему бескомпромиссностью. А на сцене — сплошь и рядом знаменитости.

— Не та интонация. Снова.

Удивительное дело, никто ему не перечит. Уже убедились исполнители — всякое требование уместно и логически обосновано. Не только в музыкальном смысле, а и сообразно драматургии.

Для Дуряна репетиция — тот же спектакль. Он не щадит себя. Каждая нота — переживание, каждой ноте нужно придать смысл, вложить в нее душу, оживить. Вслушиваешься — и поражаешься тонкости восприятия каждой музыкальной фразы.

Вот он весь сжался в комок. «Ушел» в пиано. Через минуту — уже атака фразы. Предельно четкие жесты воодушевляют оркестр. Резкий рывок в сторону — высоко поднятые руки расчерчивают воздух.

Маленькие руки делают большую музыку!

Глядишь на него, и диву даешься, столько в нем жизни и внутренней силы. Следишь за жестами и выискиваешь ответы на степень яркости его таланта. Невольно задумываешься, в чем его сила.

Высока у него требовательность к себе. Эту требовательность он ищет и в других. И находит. Чаще — добивается.

После одной из черновых репетиций я зашел в дирижерскую. Зашел и пожалел. Могли я предугадать, что увижу его таким измученным и беспомощным. Он молча протянул руку, и глазами пригласил присесть. Казалось, разговор не получится. Устал человек. Со стен смотрели фотографии. Все во фраках. А рядом сидел уставший маэстро в безрукавке. Я задал ему один вопрос. Мой собеседник поднял голову, рука машинально ущипнула бородку, и вновь забурлила жизнь в его теле. Он говорил предельно четко и ясно, словно дирижировал:

— В истории большой классики трудно найти такое полотно, как «Ануш», которое так полно отображало бы настроения своего народа без инородного музыкального влияния. Простой, лаконичный язык Тиграняна беспредельно музыкален. Примитивная оркестровка, к сожалению, упрощает оперу. Но со временем и это исправится. «Ануш» — это глубокодраматичная опера. А вот автора оперы незаслуженно обидели. Припомните, где видели его портреты или скульптуры?!

Разговариваем о новой постановке «Ануш», а Дурян заглядывает назад, вспоминает старую.

— Спектакль ведь тоже изнашивается. И ему нужен отдых!

А в день премьеры, глядя на контуры его резких движений, став свидетелем шумного успеха спектакля, я искренне радовался за маэстро. И переживал, когда зритель, скандируя, вызывал Дуряна. Все думал о том, что самоотверженный труд изнашивает и человека. Но не артиста! Тем более такого, как наш маэстро. Неутомимого, вдохновенного.

Ю. АРАКЕЛЯН.